

СТАТЬИ

О. Н. Трубачев

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ 41—47*

(41. Укр. *брұнъка*; 42. Слав. *dvigati*; 43. Русск. *реполб€* и вопрос отражения праслав. **г€рь/ъ* в восточнославянском; 44. Русск. диал. *брылá*, мн. *брылъи*; 45. Сербско-хорв. *порéкло, подријéтло*; 46. Русск. диал. *лénъгáс*; 47. Болг. *бúло*).

41. УКР. *брұнъка*

Слово *брұнъка* является основным названием древесной почки в украинском языке¹. Расхождение с великорусским названием того же предмета — *почка* (praslav. **pъtjeka* < **pъtja*) — отражает, по-видимому, в отличие от ряда других примеров лексических украинско-русских различий, не позднюю дифференциацию, а лексический диалектизм большой древности. Вполне возможно, что современное значение слова *брұнъка* оказалось результатом взаимодействия семантически близких слов, ср., например, праславянскую основу **pъtj-*, также проделавшую длительную семантическую эволюцию, в результате которой russk. *пóчка* по значению уже отличается от польск. *pestka*, стар. *reška* 'семячко', чеш. *reška*, даже от укр. *пóчка* 'тыквенное зернышко'. Принимая во внимание вторичный характер семантической конкретизации укр. *брұнъка* 'почка на дереве', мы получаем возможность установить этимологические связи исходного праслав. диал. **brunъ* (< **brouni-* < **br-oū-ni-*) с др.-

* Предыдущие статьи этой серии: «Славянские этимологии 1—7» — ВСЯ 2, 1957, стр. 29—42; «Славянские этимологии 8—9». — «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 337—339; «Slawische Etymologien 10—19». — ZfS 3, 1958, стр. 668—681; «Slawische Etymologien 20—23». — ZfS 4, 1959, стр. 83—87; «Славянские этимологии 24—27». — «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Ст. Романски». София, 1960, стр. 137—143; Славянские этимологии. 28. Болг. диал. *tahá*. — «Этимологические исследования по русскому языку» I. M., 1960, стр. 87—89; «Славянские этимологии 29—39». — Там же 2. M., 1962, стр. 26—43; «Славянские этимологии. 40. Слав. *gotovъ*». — PF XVIII, 1964, стр. 153—156.

¹ Ср. ст.-укр. *брұнъка* 'пупышок' (XVIII в.), см.: Є. Тимчевко. Историчний словник українського язика, т. I. Харків—Київ, 1930, стр. 144.

инд. *bhrūṇā* ‘зародыш’, лтш. *braῆna* ‘чешуя, шелуха, рубашка (в которой иногда рождаются дети)’, чеш *brnka* ‘послед’ в границах словообразований активности одного исходного и.-е. **bher-* ‘нести, приносить (на свет); рожать’, ср. гор. *baīran* и др.²

42. СЛАВ. *dvigati*

известно во всех славянских языках. Этимологически это очень трудное слово, во всяком случае, если судить по имеющимся в литературе объяснениям, которые все без исключения сомнительны в высшей степени³. Когда одинаково безнадежны различные этимологии, а дальнейшее умножение числа попыток этимологизации не выводит исследование слова из тупика, уместно задуматься, верны ли отправные посылки этимологий этого слова. В такой ситуации наиболее уязвима обычно семасиологическая сторона, поскольку именно семасиологическая концепция этимолога влияет затем на его выбор из числа доступных ему фонетико-морфологических ассоциаций и сближений в каждом конкретном случае. Имея в виду прежде всего эту ответственность реконструкции семантической истории слова, обратимся к пересмотру исследований праслав. **dvigati*. Дело в том, что известные этимологии **dvigati*, при всех своих коренных различиях, имеют общую семантическую базу, исходят из значения ‘двигать, передвигать, перемещать’. Таковы предпринимавшиеся с разными натяжками старые и новые сближения **dvigati* с др.-в.-нем. *zwangan* ‘колоть, щипать’, ирл. *dedaig* ‘oppressit’, с предлогом и.-е. **ad* и др.-инд. *vējate* ‘спешит’, авест. *vaeg-* ‘махать’, греч. ὀγύψῃ ‘открываю’, др.-в.-нем. *wihhan* ‘трогать’, др.-исл. *víkia* ‘двигаться’, а также мысль о заимствовании праслав. **dvigati* из гор. *du-wigan* ‘двигать’, родственного нем. *be-wegen*⁴. Особенно последняя этимология основывается на молчаливом убеждении, что первоначальным и исконным значением праслав. **dvigati* было ‘двигать, перемещать (в горизонтальной плоскости)’. Однако уже беглое ознакомление с засвидетельствованным семантическим содержанием продолжений праслав. **dvigati* по отдельным языкам показывает ошибочность этого убеждения. В значительной части славянских языков продолжения **dvigati* выступают в значении ‘поднимать’, а не ‘двигать горизонтально’ и тем более не ‘дви-

² См.: F. Specht. Ursprung der indogermanischen Deklination. 2. Aufl. Göttingen, 1947, стр. 148 (без славянских и украинского слов); о чеш. *brnka* см. еще: V. Machek. Etymologický slovník..., (т.), 44.

³ См.: Вегнер I, стр. 240–241; Преображенский I, стр. 175; Васильев I, стр. 330–331.

⁴ См.: В. В. Мартынов. Гото-славянское лексическое взаимопроникновение. — «Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції». Ужгород, 1962, стр. 11.

гать вообще'. Так, значение 'поднимать' представлено у этого глагола в польском, чешском, словацком, лужицких, сербско-хорватском, болгарском. Конечно, могут возразить, что значение 'поднимать' могло явиться у **dvigati*, **dvigneti* вторично тогда как значение 'двигать, перемещать' здесь исконно, ср. ст.-слав., ц.-слав. *дигати*, *дизати*, *дигнити* 'двигать, двинуть, товеге, хүтса'. Но это мнение в общем не трудно уличить в ошибочности. Всекими аргументами в пользу точки зрения согласно которой **dvigati* исконно означало 'поднимать', затем на части славянской территории получило значение 'двигать', служат свидетельства отдельных сложений и производных с этой основой. Общим положением словообразовательно-этимологического и семантического анализа (если говорить в первую очередь о внутренних резервах реконструкции) можно считать первостепенную важность значений сложений и производных в вопросе восстановления первоначального значения самой основы. Мы имеем в виду лучшую сохранность древнего значения, которая характеризует обычно именно производные и прочие связанные формы основы сравнительно с ее непроизводной формой. Так, нам представляется, что ст.-слав., ц.-слав. *подигъзь*, *подкигнити*, *подгигнити* *са* содержат в своих значениях и примерах словоупотребления ясное указание на движение вверх, подъем, поднятие; *подкизати* соответствует, например, греч. φέρειν 'нести' (Срезн. II, стб. 1034). В диалектах восточного Пolesья часть сохи, дубовая развилка, подпирающая одним своим концом правую полницу, называется, по свидетельству Мошинского, *rōdwiж*⁵. Наконец, мысль о возможности семантической эволюции **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще, перемещать по горизонтали' находит подтверждение в наблюдениях над некоторыми внешними аналогиями, ср., например, др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, поездка', нем. *reisen* 'ездить, путешествовать' — иными словами, 'двигаться вообще' — при, очевидно, более старых значениях гот. *urreisan* 'вставать', англ. *rise* 'подниматься вставать'.

Резюмируя изложенное выше, мы можем сказать, что мнение о семантической эволюции праслав. **dvigati* 'поднимать' > 'двигать вообще' опирается на три аргумента: 1) наличие значения 'поднимать' у продолжений праслав. **dvigati* в значительной части славянских языков; 2) наличие значений, родственных 'поднимать', у производных и сложений с основой **dvig-* в других славянских языках; 3) некоторые общие наблюдения над семантической эволюцией глаголов 'двигать(ся)'.

Теперь об этимологии праслав. **dvigati*. В свете семантической реконструкции последнего, приведшей нас к древнему предназначению 'двигать вверх, поднимать', и указаний отдельных

⁵ K. Moszyński. Polesie wschodnie. Warszawa, 1928, стр. 58.

современных диалектных форм, например полесск. *rōdwiħ* ‘дубовая развилка, подпорка’, мы можем понять праслав. **dvigati* как отыменный глагол, образованный от существительного **dvigъ* ‘развилка, разветвленная ветка’. То, что такая ветка могла использоваться как подпорка или рычаг, объяснит нам реальную сторону образования **dvigъ* > **dvigati* ‘поднимать’. Правслав. **dvigъ* точно соответствует нем. *Zweig* ‘ветка’ и другим родственным германским, восходящим вместе с прасл. **dvigъ* к и.-е. **dūigho-s*/**dūiigho-s*, собственно **dū-i-gh-o-s*, производное от и.-е. **dūiđō* ‘два’. Любая ветвь образует с основным стволом парную развилку, поэтому мотивы такого названия вполне ясны. Прекрасную семантическую аналогию отношению правслав. **dvigъ* ‘ветка, развилка’: **dvigati* ‘поднимать’ можно указать в слвц. диал. *posošit' sa* ‘подняться’, *sosit'* ‘поднимать’: *socha* ‘развилка’ (см. Machek, стр. 463).

43. РУССК. *реполбъ* И ВОПРОС ОТРАЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. **terpъ/z* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ

У слова *реполбъ* не было собственной этимологии, причиной чего служило ощущение прозрачности его структуры. В соответствии с этим слово членили как сложение *репо-лов* (см. Västmer REW II, стр. 514). Однако достаточно несколько подольше присмотреться к этому слову, чтобы задуматься над справедливостью такого понимания или восприятия. Мы постараемся показать, что ощущение прозрачности структуры в данном случае ложно и может быть классифицировано как одна из разновидностей народной этимологии. *Реполбъ*, согласно Далю, — *répolov* или *répel* м. ‘одна из певчих пташек, *Sylvia rubecola*’ (Даль² IV, стр. 123). Об этой птичке, которую называют еще коноплянкой, известно, что она относится к семейству выорковых, питается зерном, имеет пестрое оперение, небольшой черноватый хвостик, отличается веселым нравом, распространена во всей Европейской России⁶. Уже в свете хотя бы одних только этих данных прозрачность сложения *репо-лов* скорее вводит нас в заблуждение, чем дает какую-либо информацию, а связь с репой выглядит абсурдной. К счастью, перед нами, по-видимому, наиболее легко обнаружимый вид народной этимологии — осмысление без реально-логической мотивации, поскольку внешняя связь с репой опровергается сведениями об обозначаемой реалии, птичке *Sylvia rubecola*. Дальнейшая проверка лингвистической стороны вопроса позволяет найти довольно близко лежащие, сугубо внутренние данные, вполне отводящие связь с *répa* как вторичную. Это прежде

⁶ Ф. Ф. Остапов. Певчие птицы нашей Родины. М., 1960, стр. 52—55.

всего — варианты названия птицы: *rēpel* (Даль), *реполиха* ‘самка реполова’. Цезура словоизводного членения формы *реполов* в свете этих показаний перемещается: не *репо-лов*, а *репол-ов*. Уже одни эти данные довольно авторитетно говорят о том, что основой слова следует считать *rēpel-/репол-*. Прежде чем перейти к этимологии, необходимо учесть все, что известно по истории нашего названия птицы. Прямыми свидетельствами о древнерусских формах современного слова *реполов*, *rēpel* мы, к сожалению, не располагаем, однако есть достаточно косвенных указаний, причем важных для новой этимологии названия птицы. Мы имеем в виду княжескую фамилию *Ряполовский*, неоднократно встречающуюся в русских летописях, ср. следующие примеры: и послѣ того князь Феодоръ Семеновичъ Хрипунъ Ряполовскій билъ Татарь на Волзѣ, іюня 4... (Софийская I летопись под 1469 г.—ПСРЛ, т. 5. СПб., 1851, стр. 275); царь же Магамедъ Аминъ Казаньскій отпусти воеводу великого князя из Казани, князя Семена Ивановича Ряполовскаго... (Софийская I летопись под 1495 г.—ПСРЛ, т. 6. СПб., 1853, стр. 40). В этих и во многих других примерах упоминания этой фамилии в XV в. абсолютно последовательно соблюдается такая черта, как отражение вокализма [a]: *Ряполовский*. Названная древнерусская фамилия интересна для нас в двух по крайней мере отношениях: во-первых, не оставляет сомнений ее родство с современным апеллативом *реполов*, *rēpel*, а во-вторых, древний корневой вокализм основы *ряпол-* в фамилии *Ряполовский* окончательно кладет конец внешнему очевидному сближению *реполов*: *rēpa* и направляет наши дальнейшие этимологические поиски по иному пути. Так, мы считаем возможным производить современное название *реполов*, *rēpel* из старого **ряпол*, **ряpel*. Эта последняя форма продолжает, по нашему мнению, более древнее имя **rēpelъ/*реполъ*, образованное с суффиксом *-el-/-ol-* от праслав. **rēpъ/*рѣръ* ‘хвост’. Праслав. **rēpъ/*рѣръ* известно по своим продолжениям в западно- и южнославянских языках, ср. польск. *rzap* (род. *rzapia*) ‘копчик’, с.-хорв. *rēp* ‘хвост’, в.-луж. *rjap* ‘спинной хребет’. До сих пор мы как будто не располагали материалом для того, чтобы утверждать, что и в восточнославянских языках сохранились следы праслав. **rēpъ* ‘хвост’. С того момента, как перед нами встает описанная выше возможность этимологизации слова *реполов*, *rēpel*, ставится вопрос о реальном наличии также восточнославянских форм от праслав. **rēpъ* ‘хвост’.

Кстати, о первоначальном семантическом наполнении, этимологии и реально-семантическом субстрате праслав. **rēpъ*. Это уточнение необходимо ввиду многочисленности названий хвостов, лексем со значением ‘хвост’ в праславянском. Мы можем попытаться уяснить себе место лексемы **rēpъ* ‘хвост’ среди прочих названий хвостов, каковы, например, **xvostъ* (русск.

хвост и родственные), **obgonъ* (польск. *ogon*), **obrabyъ(ka)* > болг. *опашка*, **otjasъ* (чеш. *ocas*). Праслав. **rēpъ*/*rēpъ* не было абсолютным синонимом всех прочих названий хвостов, но означало, вероятно, короткий хвост, обрубок хвоста, сам хвост как продолжение позвоночного столба, без шерсти и волос, ср. значение польск. *rzap* ‘копчик’, а также вероятную этимологию праслав. **rēpъ*, которое, очевидно, родственно праслав. **r̥ubitъ* (русск. *рубить*) — с иным губным расширителем *-b-*, а также нем. *Rumpf* ‘туловище’. Праслав. **rēpъ* обозначало тем самым первоначально лишь основание хвоста или короткий хвост, но во всяком случае не опушку хвоста, т. е. не то, чем машут (praslav. **xvostъ*, **obgonъ* и др.). Семантическая реконструкция и этимология праслав. **rēpъ* как будто соответствуют тому, что известно о реполове, этой птичке с явно небольшим хвостиком. Дальнейших мотивов обозначения лексемой **r̥epelъ*/*r̥epolъ* именно птички *Sylvia rubecola* мы не можем да и не чувствуем себя обязанными доискиваться здесь; разумеется, данное название так же произвольно — в известных пределах, — как и всякий другой акт номинации в языке. Кстати, курьезнейшее по формальной полноте соответствие нашему прарусск. **r̥epolъ*, **r̥epelъ* мы имеем в польск. *rzepoła* ‘ тот, кто пикиает, скверно играет (на скрипке)’, которое еще Брюкнер связал с *rzap* ‘копчик, зад’⁷. Экспрессивная мотивация, различимая в польском слове, могла иметь место и в русском, столь близком к польскому, при всем их семантическом различии.**

Итак, реполов, *репел* отражают праслав. **rēpъ*. Единственные ли это продолжения праславянского слова в восточнославянских, в русском? — Вполне возможно, что нет. Обратим внимание, во-первых, на russk. *rēpiца* ‘хвост позвоночного животного, кроме шерсти и волосу; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков’ (Даль², IV, стр. 123). Как видим, близость значения russk. *rēpiца* и польск. *rzap*, в.-луж. *rjap* очень велика. Отклонения в вокализме — *rēpiца* вместо ожидаемого **r̥apiца* — представляются нам в любом случае вторичными, хотя мотивы и условия их еще недостаточно ясны. Во-вторых, к числу восточнославянских, русских следов праслав. **rēpъ* можно отнести, вероятно, местное название *Урюпинск*, точнее — лежащее в его основе древнерусское личное собственное имя **Урюпа* (посредствующее звено — фамилия *Урюпин*)⁸. Здесь наступает момент, когда, говоря о рефлексах праслав. **rēpъ* в русском, мы вынуждены, правда, на очень короткое время, отвлечься в область апофонии. Это вызвано необходимостью

⁷ В гүскег, стр. 474.

⁸ В «Словаре древнерусских личных собственных имён» Н. М. Тупикива (СПб., 1903, стр. 410) мы, действительно, находим имя *Урупа*, чернобыльский мещанин (1552 г.). Эта белорусская форма (Чернобыль!) может отражать как **Урюпа*, так и **Урупа*.

правильно оценить характер формы **y-rjop-* в русском в связи с реконструируемой праславянской формой **r̥erъ*. Наряду с этой последней мы вправе предположить существование иной ступени вокализма — праслав. **r̥op-*, мотивированного производным характером содержащих его образований. Праславянские отношения **rep-/r̥op-* должны были нормально отразиться на восточнославянской почве как *ryp-/r̥ypn-*. Первая ступень, как мы показали выше, реально засвидетельствована в русском языке. Надо сказать, что и вторая ступень тоже существовала, как о том говорят косвенные данные, а именно форма *-rjop-* в сложении с предлогом (*Урюпинск*, *Урюпино*, **Урюпа*). Природу этого варианта *-rk̥p-* мы объясняем следующим образом. Если апофоническая соотнесенность **rep-/r̥op-* на праславянском уровне не оставляет сомнений и, видимо, носила характер прозрачной связи, то в отношениях *ryp-/r̥ypn-* на восточнославянской почве представлены лишь разрушающиеся остатки древней апофонии. Внешним следствием и как бы противодействием этому разрушению в языке явилась замена двойственного отношения **rep-/r̥op-* тройственным *ryp-/r̥ypn-/rjop-*, где *rjop-* получено путем контаминации двух исконных ступеней. Эта перестройка осуществлялась столь же закономерно на восточнославянской почве, как в случае с праслав. **bl̥d-d-/*bl̥qd-d->* вост.-слав. *бляд-/блуд-/блюд-*, откуда объясняется наличие, кроме регулярных форм *блядь*, *блуд*, также и контаминированного *ублюдок*.

44. РУССК. ДИАЛ. *брывлā*, МН. *брывлы*,

довольно распространенное народное слово со значением 'губа', 'губы', также в форме дв. числа *брывлē* 'губы' (тамб., «Опыт областного словаря»), в некоторых говорах — только о собаках (напр., вятск.), в значении 'рыло' — в костромских говорах; костр. (Чухл. у.) *брилā* 'половина уст', мн. *брывлы* 'уста'; в русских пословицах XVII в., изданных П. Симони, читаем выражение: «ел смерд блины да засалил брилы»⁹. Этимология слова оставалась неясной, во всяком случае сближения созвучным словом, обозначающим глыбу¹⁰, ее не проясняют. Тем не менее это областное русское название губы у человека или животного этимологизируется очень просто. Наиболее авторитетна в плане этимологии форма, которая последовательнее всего представлена в большом числе говоров — *брывлā* 'губа' (волог., вятск., перм., тульск., енисейск.), ср. также выше. Самым строгим образом придерживаясь сведений о форме

⁹ Обстоятельную подборку географического распространения форм и значений находим в ст.: S. O b n o r s k i j. Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen. — ZfslPh II, 1925, стр. 67.

¹⁰ См. V a s m e r I: *брыва*.

и значении слова, мы можем объяснить его из **обрыла* = 'то, что вокруг рыла' (*об-рыла*), ср. значение *брыла* 'губа', а также диал. *брылы* 'рыло'.

45. СЕРБСКО-ХОРВ. *порекло, подријेमло*

продолжает по-прежнему представлять собой загадку для этимологов, несмотря на то, что им уже занимались опытные ученые, которые выдвинули внешне бесспорные объяснения¹¹. Дело в том, что известное толкование *порекло* <*по + рећи* (Мартич), основанное на признании первичности значения 'прозвище, (родовое) имя', во-первых, оставляет без объяснения ряд старых форм, не знающих этого значения и вместе с тем определенно связанных с нашим словом, и, во-вторых, это старое толкование, как нам кажется, упрощает действительную сложность взаимоотношений форм. Не претендуя на исчерпывающую ревизию материала и его интерпретации, мы хотели бы выдвинуть новую возможность объяснения хотя бы части фактов, явно остающихся в тени, если принять однозначную старую этимологию. Суть этой старой этимологии состоит в том, что с.-хорв. *порекло* (воеводинск., Вук), *подријетло, подријекло, podréklo, podríklo* с современным значением 'происхождение' явилось результатом сербско-хорватской семантической инновации при исконности значения для всех названных форм 'прозвище'. Нарушение связей с глаголом *порећи* повлекло семантическую и словообразовательную перестройку, откуда форма на *под-*, тогда как форму *подријетло* объясняют контаминацией *порекло* и *podrijet*. Нам кажется, что в своей основе эта этимология может быть принята, во всяком случае форма *порекло* проще всего этимологизируется действительно от *порећи*, первоначально 'назвать'. Ошибкой было стремление распространить эту этимологию на все формы и значения. Если *порекло* еще имеет также значение 'прозвище', то *подријетло* (исключительно 'происхождение') своими формальными, семантическими особенностями, а главным образом своим распространением сопротивляется толкованию контаминации восточного *порекло* и локального дубровницкого *podrijet*, что признает и сам автор толкования Скок. Если же мы обратимся к обособленным, достаточно старым и самостоятельным формам *podrilo* (XVIII в.), *podrítolica* (Мостар) и уже упомянутому *podrijet* ж. р. (Дубровник), которые все значат лишь 'происхождение, род' (см. «*Rjećnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*» Югославянской Академии, т. X, стр. 313), то свести их к единому *порекло* еще труднее, чем в случае с *подријетло*, точнее — совсем невоз-

¹¹ См: P. Skok. Leksikologische studije. — «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» 272. Zagreb, 1948, стр. 21—25.

можно. Сознательных преобразований в связи с отталкиванием от непристойной лексики, которые Скок принимает для мостарского *podriolica*, нельзя предполагать для *podrilo*, *podrijet*. Нам кажется уместным допустить в целом для всех относящихся сюда слов более или менее сильное вторичное сближение с *порекло*, причем *подриётло* этим сближением затронуто в наибольшей степени, тогда как такие формы, как *podrilo*, *podrijet*, еще вполне сохраняют свою самобытность. Эти последние, особенно икавское *podrilo* 'происхождение, род', мы этимологизируем особо — из праслав. **podrědlo*/**porědlo* (где *pod* — инновация вм. *po*) \leqslant **po-roj-tlo*. Дубровникск. *podrijet* в свою очередь из **po-roj-to-*. Названные слова родственны лит. *r̄istis* 'вылупляться (из яйца)', 'катиться, кататься', *išsi-r̄isti* то же, *raida* 'развитие', *riedēti* 'катиться', *pa-r̄iedēti* 'покатиться', *paristi* то же (сврш.). Основа и.-е. **roj*-/**rej*-/**gl̄-* представлена в балтийском и славянском с расширениями *-t*-/*-d*- и без них. О возможности семантического развития 'катить, кататься' $>$ 'рождаться(ся), происходить' говорит полная аналогия слав. **kotiti* (*sę*), русск. *котиться*¹².

46. РУССК. ДИАЛ. *лénъgáс* 'ЛЕНТАЙ'

— неясное слово, для которого предполагалось иноязычное происхождение¹³. Нам не хотелось бы умножать число гадательных и беспочвенных этимологий, но, имея в виду невыясненность слова, полезно обратить внимание на возможную его близость к с.-хорв. диал. (икавск.) *linguza* 'лентяйка' ж. р. (Босния)¹⁴. Сербско-хорватское слово из прасл. **lenъgozъ*, сложение **lenъ* + **gozъ* 'гузно, задница', можно было бы считать тождественным русск. диал. *лénъgáс* при условии, если последнее — из *лénъguz* с теми же древними компонентами (ср. диал. курск. *ленгúз* 'лодырь'; псковск., тверск. *лынгúз* 'лентяй'). Преобразования в северновеликорусском слове могли наступить в условиях заударного слога или в результате сознательного отталкивания от слова *гуз*?

47. БОЛГ. *було* 'ПОКРЫВАЛО НЕВЕСТЫ, ФАТА'

признается неясным¹⁵, однако обычные в таких случаях для болгарской лексики ресурсы объяснения заимствованием из соседних балканских языков или из турецкого здесь как будто

¹² О последнем: В. Н. Топоров. О праславянском **kot*- . — ВСЯ, вып. 6, 1962, стр. 174.

¹³ См.: V а s t e g II, стр. 31. — Этимология Пизани из *лень* + нем. *Geist* едва ли заслуживает упоминания.

¹⁴ I. K l a r i c. Narodne pripovijetke. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» XXII. Zagreb, 1917, стр. 300.

¹⁵ В. Георгиев и др. Български этимологичен речник, св. 2. София, 1963: *було*; ср.: Младенов, стр. 49.

отказывают. Нам кажется, что мы имеем тут дело с древним исконно славянским элементом болгарского словаря. В связи с этим представляется возможным этимологизировать болг. *бўло* < **обуло*, собственно говоря, — **об-уло* (ср., помимо широко известного в разных славянских языках *bagniti* < **ob-agniti*, еще типично болгарское бέся, бесайлка < **cb-věsiti* и т. д.). Не сохранившееся болг. **об-уло* восходит к праслав. диал. **ob-и-dlo*, ср. **obuti*, а главным образом родственное и тождественное *-tl-* производное лит. *aiklē* 'портянка' < **on-tl-*, к которому восходит в конечном счете и болг. *бўло* 'покрывала невесты'. И.-е. **eŋ-/oŋ-*, помимо ранней специализации в значениях 'обувь', 'надевать обувь', имело, несомненно, и более общее значение 'надевать, повязывать' (ср. лат. *sub-iculum* 'нижняя туника'), сохраненное в болг. *бўло*.